

Ю. Ю. Литвиненко

Омск, Россия

**ВОПРОС О ВЗАИМОПОНИМАНИИ СОБЕСЕДНИКОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТОВ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЛАМИ О КОРРУПЦИИ**

В статье рассматривается один из возможных вариантов методологии лингвистической экспертизы текстов, связанных с делами о коррупции. Перед экспертом ставится задача определить предмет разговора, его содержание, установить наличие взаимопонимания между собеседниками.

Ключевые слова: предмет разговора, смысловое содержание, понимание.

Сведения об авторе: Юлия Юрьевна Литвиненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета. 644099, Омск, ул. Партизанская, 4а, 2-й корп. ОмГПУ, к. 204. E-mail: julitv@mail.ru.

J. J. Litvinenko

Omsk, Russia

**ON THE ISSUE OF INTERLOCUTOR MUTUAL UNDERSTANDING AS APPEAR IN
FORENSIC EXPERTISE OF THE TEXTS LINKED TO CORRUPT PRACTICES**

The article is dedicated to one of possible options of methodology of forensic expertise of the texts connected with corruption practices. The expert is challenged to define a topic of conversation, its contents, to trace existence of mutual understanding between interlocutors.

Key words: topic of conversation, semantic meaning, understanding.

About the author: Julia Juriyevna Litvinenko, Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian and lingvodidactics, Omsk State Pedagogical University. St. Partizanskaja, 4a, korp. 2 OmGPU, k. 204, Omsk, 644099. E-mail: julitv@mail.ru.

Основным объектом судебно-лингвистической экспертизы и криминалистического исследования является результат речевой деятельности – речевое произведение, которое подвергается правовой квалификации для установления факта правонарушения. На основе имеющихся специальных познаний в области филологии, применяя современные методики лингвистического анализа, эксперт может правильно понять, интерпретировать

завуалированный вербальный текст и его глубинный смысл, коммуникативное намерение автора (соавторов), дешифровать авторские интенции, распознать и правильно оценить необычные условия порождения или последующие изменения речевого продукта тем же или иным автором (соавтором).

В задачи исследования, проведенного нами в 2009 году, входило установление предмета и содержания разговоров, представленных на аудиозаписи и в стенограмме, и выявление степени взаимопонимания собеседников. При ответе на вопросы мы опирались на следующие исходные понятия и теоретические положения.

Смысл – это содержание (значение), которое слово (выражение, оборот речи и т. п.) получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения). Ситуация общения, называемая также контекстом ситуации, не тождественна лингвистическому контексту, непосредственному окружению слова, которое во многих случаях не выполняет достаточно определенной дифференциальной (различительной) функции. Для адекватного восприятия и интерпретации смысла разговора у участников должны быть общие фоновые знания, то есть знания о внеязыковой действительности.

Таким образом, смысловое содержание какого-либо разговора в полной мере может быть понято только при учете экстралингвистических факторов, то есть знаний об отношениях между участниками разговора, роде их деятельности, личностных характеристиках, социальном положении, а также знаний о событиях, предшествовавших разговору.

Предметом лингвистической экспертизы является лингвистический контекст, эксплицирующий (открывающий) часть смысла беседы в значениях слов, их взаимосвязи в тексте. Имплицированная (скрытая) часть смысла не относится к сфере лингвистики и не является целью данного исследования.

Диалог – это разговор двух или нескольких лиц, форма речи, состоящая из обмена репликами. Основной единицей диалога является диалогическое единство – смысловое (тематическое) объединение нескольких реплик,

представляющее собой обмен мнениями, высказываниями, каждое последующее из которых зависит от предыдущего. Содержанием диалога является совокупность диалогических единств [Тумина 2005: 533-535]. Описывая содержание разговора, эксперт должен сопоставить реплики, представляющие собой диалогическое единство, и выявить структурно-семантические части целого диалога.

Взаимопонимание участников диалога основано на точном декодировании и интерпретации сообщений. Правильная интерпретация считается состоявшейся, если реципиент (получатель информации) трактует основную идею текста в соответствии с замыслом коммуникатора (отправителя информации). Если реципиент усвоил, для какой цели порожден данный текст, что именно хотел сказать его автор с помощью всех использованных средств, можно утверждать, что он интерпретировал текст адекватно. Неадекватное понимание устного (и письменного) сообщения у отправителя и получателя может привести к серьезным ошибкам во время выработки и принятия решения [Падучева 2003: 480–481].

Предложенные для лингвистической экспертизы диалоги относились к разговорному стилю речи и происходили в условиях непосредственного общения собеседников. Поэтому они имели такие значимые для их анализа особенности, как приблизительность в передаче смысла того, о чем идет речь, и неточность конкретизации, обусловленные общим опытом, знаниями участников разговора. Сигналами неточности, приблизительности выражения являются местоимения (например, *это, это самое, что-то*), частицы (например, *ну, вот, как бы, вроде*), некоторые наречия (например, *там*). В случае непонимания, затруднения в интерпретации сообщения адресат имеет возможность переспроса с целью уточнения информации, получения необходимых объяснений. Разговор как речевой акт имеет обязательные структурные компоненты: отправитель (адресант) и получатель (адресат), меняющиеся ролями, языковой код, предмет речи, высказывание, контекст.

В целях лингвистического исследования необходимо уточнить содержание понятия «предмет речи». Предмет речи (референция, тема) – это то, о чем говорят участники речевого акта и по поводу чего происходит обмен информацией. Этот компонент связан со знаниями о реальной действительности. Для лингвиста реальная действительность – это действительность, которая подается говорящим как реальная. Предмет речи обнаруживается методом выявления ключевых слов в тексте диалога и анализа их совпадения в репликах участников разговора.

Необходимым условием протекания коммуникации является совпадение контекста, предполагаемого говорящим, и контекста, используемого слушающим в процессе декодирования. Адресуя словесно оформленную мысль собеседнику, инициатор разговора ставит целью оказать на него определенное воздействие (спросить, призвать, убедить, одобрить и т. п.). Чтобы запланированный эффект был достигнут, слушатель должен понять, какая информация передается, что от него требуется, как именно он должен реагировать в ответ на услышанное. Говорящий должен учитывать исходные знания слушателя, обеспечивающие адекватное восприятие намерения и мысли. В речевом действии он обязан соотнести известное с неизвестным, ориентироваться на интеллектуальный уровень слушателя, знание культуры, средства выражения. Однако даже в тех случаях, когда говорящий учтет все факторы для адекватного восприятия его намерения и мысли, у слушающего может возникнуть неполное понимание. Это объясняется тем, что декодирование только частично определяется имеющейся в тексте сообщения информацией, в значительной степени оно управляется теми представлениями, которые есть у слушающего относительно намерений говорящего [Петрова 2005: 604–605].

Проанализировав аудиозапись и стенограмму к ней, мы определили предмет разговора следующим образом: «обсуждение дела, за выполнение которого берется С. в интересах Н.». О понимании предмета разговора свидетельствуют содержащиеся в репликах С. и Н. повторяющиеся слова, слова одной тематической группы, которые в ходе диалога комментируются его

участниками, местоименные замены, связывающие реплики диалога, и другие лексико-семантические средства связи реплик-предложений, а также наличие в тексте диалога вопросно-ответных смысловых единств. Приведем некоторые примеры.

(1) На реплику-запрос Н-ой *«Андрей, ты расскажи вообще вот всю суть»* С. отвечает репликой-объяснением, в которой описывает детали дела: *«Короче, объясняю популярно. Сейчас мы отдаем 120 тысяч. Ну, 20 уйдет непосредственно посредникам. 100 идет непосредственно судье», «То есть мы проплачиваем, он забирает себе дело. Все»*. В ответной реплике Н., демонстрируя понимание, производит местоименную замену *«Андрей, а ты гарантируешь мне вообще, что это 100 процентов?»*

(2) Обсуждая сроки предоставления денег, собеседники употребляют слова тематической группы «время» и таким образом выражают взаимопонимание. Н.: *«... Если мы на четвертое деньги... просто сейчас...»*, С.: *«... но только до выходных»*, Н.: *«... вот четвертого числа...»*, С.: *«... потому что уже дело уже в суде»*, Н.: *«Я понимаю, четвертого числа кровь из носу...»*, *«Ну все тогда Андрей до четвертого, это железно, я четвертого буду здесь в любом случае. Я уже третьего дома буду»*, С.: *«Тань, я вот тебе говорю, вот единственно, что до окончания вот этих праздников»*.

(3) Затрагивая вопрос о сумме платежа, оба собеседника оперируют лексикой тематической группы «количество», спорят и таким образом выражают взаимопонимание. Н.: *«... Потому что я суммы-то не знала какой. Он мне говорит деньги, деньги, а сколько, я как бы не это, я говорю ладно уж»*, С.: *«Изначально как было 120 так оно без изменений и осталось»*, Н.: *«Ну а много все равно Андрей. Сумма-то большая»*, С.: *«Это не много»*, Н.: *«Почему не много?»*, С.: *«Это еще что у меня есть прямой выход, мой непосредственно, так что это маленькая сумма за два и десять»*.

(4) Говоря о личности третьего лица, собеседники демонстрируют понимание посредством лексического повтора и продолжения реплик друг друга. С.: *«То есть видишь, ну, за Андрюху почему мы беремся? Потому что у*

него нету иска – во-первых, что вот сейчас в суде основное то идет. Что у него масса поощрений, что у него нету взысканий. Там одно было когда-то давным-давно», Н.: «Так у него на тюрьме одно там выскочило. Мы и не знали», С.: «И одно здесь...», Н.: «И здесь, когда с оделоном с этим каким-то там, и то не его. Так а поощрений то целая куча, считай», С.: «Если бы он был, естественно, отрицательным, то мы... смысл какой то за него браться!»

Кроме того, понимание друг друга собеседники выражают посредством слов «угу», «ну», «ясно», «понятно», «ладно», «я понимаю», «ну все», «хорошо».

Таким образом, можно утверждать, что каждый из собеседников (С. и Н.) понимал обозначенный выше предмет разговора.

Содержание данного разговора выявляется через сопоставление реплик, представляющих диалогическое единство. В результате лингвистического анализа в разговоре С. и Н. нами выделено пять структурно-смысловых частей.

(1) Обсуждение сути дела, за которое берется С.

После приветствия и идентификации личности женщины (С.: «Таня?», Н.: «Она самая была с утра. К вечеру может не изменится. Еще раз приятно», С.: «Привет») Н. выражает просьбу подробно разъяснить ей, в чем заключается существо дела, в котором собеседники принимают участие: «Андрей, ты расскажи вообще вот всю суть», «Все поверхностно, все вот так вот, по сумме не это. Все что-то отрывками, уловками какими-то, понимаешь?». В ответ С. описывает весь порядок действий: «Короче, объясняю популярно. Сейчас мы отдаем 120 тысяч. Ну, 20 уйдет непосредственно посредникам. 100 идет непосредственно судье», «То есть мы проплачиваем, он забирает себе дело. Все».

Н. высказывает свое беспокойство по поводу благополучного завершения затеваемого мероприятия: «Андрей, а ты гарантируешь мне вообще, что это 100 процентов?», «Андрей, ну ты же... ты же... я ж тебе говорю... объясняю... понимаешь, это вот дело то в таком, видишь как! Не я же первая такая. Люди и побольше отдают и то же за результат...». С. старается заверить

собеседницу в благополучном исходе дела: *«Я понимаю. Ну если мы не беремся, то мы не беремся за это. А если уже беремся, то мы доводим уже до ума».*

Заметим, что в своих репликах, касающихся субъекта – производителя действия, С. употребляет местоимение «мы» и глаголы в форме первого лица множественного числа, тем самым давая понять, что он действует не один, а совместно с кем-то еще (*«если мы не беремся», «если уже беремся, то мы доводим уже до ума»* и т. п.).

(2) Обсуждение вопроса о сроке предоставления денег.

Слово «деньги» является ключевым в данном структурно-смысловом отрезке речи, так как оно неоднократно употребляется собеседниками. Н., ссылаясь на собственную занятость (*«Потому что я тебе говорю, что столько планов, столько всего»*) и некие проблемы (*«у меня там тоже с этими деньгами тоже... с магазином чуть не до банкротства это все доходит с этими кризисами со всеми остальными»*), делает предложение С-ву по поводу срока предоставления денег: *«Слушай, Андрей, давай вот как-нибудь, знаешь, я что приехала пораньше. Если мы на четвертое деньги... просто сейчас...»*. С., понимая суть данного предложения и принимая его, употребляет временное ограничение (*«но только до выходных»*), мотивируя это тем, что *«дело уже в суде»*.

По ходу разговора Н. просит уточнить сумму (*«... Потому что я суммы то не знала какой. Он мне говорит деньги, деньги, а сколько, я как бы не это, я говорю ладно уж», «не, он даже сумму то мне просто обозначил сумму – деньги, то есть не говорил мне 50, 100, 200, 300 там, ничего он не говорил такого... Он говорит, давай ты встретишься и уже на месте сама с Андреем поговорите, потому что как бы ну, такие дела тоже»*) и способ ее предоставления (*«Андрюш, а там вообще как, полностью сумму да? Там придется отдавать?»*). С. отвечает на просьбу уточнением: *«Изначально как было 120 так оно без изменений и осталось», «Да, сразу, потому что они не работают так».*

Н. вновь просит гарантии того, что дело состоится благополучно, на это С. отвечает заверением, что в случае неудачного исхода все деньги она получит

назад («Денги, если вдруг, но такого не бывает, если что, то денги все вернутся») и что он сам не собирается ее обманывать и никуда не скроется («Ну я то куда с тюрьмы то денусь», «Объясняю популярно. Я работаю в тюрьме. Мне вот этот статус фуфлыжника тоже не нужен. Если мы беремся, то естественно до ума доводим»).

(3) Обсуждение личности человека, ради которого предпринимается данное дело.

Н. рассказывает С-ву о некоем Л., который находится в заключении вместе с Андреем Ф. и который якобы попадал в похожую ситуацию: «Тожэ вот УДО подходит», «Ну, вот короче вот тожэ вот в как бы ну, УДО в первый раз его кинули, а сейчас тожэ вариант такой как бы ну, вот вроде как собирает документы, но тожэ не факт, что он пойдет вообще куда-то». Таким способом женщина в очередной раз выражает свою обеспокоенность. В ответ С. пытается объяснить, почему он взялся за дело Ф. и почему уверен в его успешности: «Если по Ф-ву вот мы беремся, что он такой положительный весь такой, весь такой хороший, пушистый и мягкий», «Если бы он был отрицательным, то ну, даже смысла нету никакого за него браться», «То есть видишь, ну, за Андрюху почему мы беремся? Потому что у него нету иска – во-первых, что вот сейчас в суде основное то идет. Что у него масса поощрений, что у него нету взысканий. Там одно было когда-то давным-давно». Положительная характеристика личности Ф. дает основание С. быть уверенным в благополучном исходе дела.

(4) Возвращение к вопросу о сроке предоставления денег.

Собеседники подтверждают предыдущую договоренность (Н.: «Давай четвертого?», С.: «Ну все. Хорошо. Но до окончания праздников» – обмен подобными репликами происходит четыре раза). При этом С. пытается вселить уверенность в собеседницу: «Да не волнуйся ты», «Сильно не волнуйся. Все будет нормально», «Мы никого не обманываем и не обманули еще, можешь даже у Ф. спросить. Если мое слово, то по крайней мере что-то значит».

В ходе разговора возникает микротема «размер суммы». Н.: *«Ну а много все равно Андрей. Сумма то большая»*, С.: *«Это не много»*, Н.: *«Почему не много?»*, С.: *«Это еще что у меня есть прямой выход, мой непосредственно, так что это маленькая сумма за два и десять»*.

Поясняя, почему деньги должны быть предоставлены «до окончания праздников», С. описывает механизм осуществления дела: *«Потому что праздники заканчиваются и дело может уйти куда-нибудь другому судье. Пока оно лежит еще в секретариате. То есть мы сразу заплатим, судье, который нам нужен, он сразу берет его к себе на рассмотрение. И все»*. Таким образом, С. объясняет, что есть некий «нужный» судья, который может за некоторую сумму взять дело на рассмотрение.

(5) Обсуждение «проблемы» С-ва и завершение разговора.

Желая, по-видимому, продемонстрировать свою осведомленность (Н.: *«Нет, это не от Ф., я ... у меня просто так, у меня тоже там которые знаешь, так, над Ф., сверху, он тоже многого не знает, что я там, чуть-чуть...»*), Н. напоминает С-ву о неких проблемах, которые были у него: *«Я там тоже слышала у тебя какие-то проблемы были»*. С. не скрывает, что у него были проблемы «давно в прошлом» и что ему «пытались сделать поднос наркотиков», и завершает разговор вновь заверениями: *«Тань, ты главное не волнуйся. Мы все сделаем как надо»*.

Таким образом, опираясь на методы лексико-семантического, семантико-синтаксического, контекстуального анализа диалога, эксперт счел возможным ответить на поставленные перед ним вопросы: определить предмет разговоров, описать их смысловое содержание, установить наличие взаимопонимания между собеседниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е. В. Ситуация речевая. Русский язык: Энциклопедия. М., 2003. С. 480–481.
2. Петрова С. Н. Контекст декодирования. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. М., 2005. С. 604–605.

3. Тумина Л. Е. Диалог. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. М., 2005. С. 533–535.

REFERENCES

1. Paducheva Ye. V. Situation of speech [Situatsiya rechevaya]. Russkiy yazyk: Entsiklopediya – Russian: Encyclopedia. Moscow, 2003. P. 480–481.

2. Petrova S. N. Context of decoding [Kontekst dekodirovaniya]. Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika: Slovar'-spravochnik – Effective communication: history, theory, practice: Dictionary-Directory. Moscow, 2005. P. 604–605.

3. Tumina L. Ye. Dialog [Dialog]. Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika: Slovar'-spravochnik – Effective communication: history, theory, practice: Dictionary-Directory. Moscow, 2005. P. 533–535.